ОБЩЕСТВО.СИБИРЬ

"Русские люди творят с русскими такое..." Политзек Валерий Качин о тюрьме и надежде

Антон Стариков

27 ноября 2026

Валерий Качин

В октябре осужденный за госизмену 39-летний геодезист Валерий Качин из Биробиджана объявил сухую голодовку. Он держал ее в СИЗО-1 Удмуртии трое с половиной суток. В письмах на волю Качин сообщил, что пошел на такие меры после "серии издевательств и физического насилия со стороны сотрудников изолятора", когда его в очередной раз отправили на 17 суток в карцер.

Из тюрьмы Валерий написал десятки писем (они есть в распоряжении редакции), в которых отчаяние и безысходность сочетаются с надеждой и жаждой справедливости.

"Я вижу лишь фрагменты, лики ужасов"

До ареста Качин, специалист по геоинформационным системам, работал младшим научным сотрудником заповедника "Бастак" в Биробиджане.

Валерий Качин

Его задержали осенью 2022 года, предъявив обвинение в госизмене. По версии ФСБ, Качин передал украинским спецслужбам сведения о критически важных объектах инфраструктуры в своем регионе. Российские силовики сообщали, что якобы задержали Качина при попытке выехать в Украину и вступить в ряды ВСУ. Но не пояснили, когда точно и где это произошло. Непонятно и откуда Качин собирался вылетать – аэропорта с регулярными пассажирскими рейсами в Биробиджане нет (ближайший аэропорт находится в Хабаровске). Жена Валерия Екатерина утверждала, что он никуда лететь не собирался. При этом она сказала Би-би-си, что следователи взяли с нее подписку о неразглашении, "поэтому о деле мужа она распространяться не может". Сам Качин вину не признал.

По сливам базы данных россиян, участвовавших в "Умном голосовании" ФБК, и публикациям Валерия в его соцсетях силовики также сделали вывод о поддержке им Алексея Навального и протестов в Беларуси и Украине. А в 2022 году Валерий, по словам его обвинителей, добавил в свой плейлист в сервисе "Яндекс.Музыка" полсотни антивоенных песен.

Материалы дела Качина засекретили. В январе 2025 года его приговорили к 14 годам колонии строгого режима по обвинению в госизмене. В июле 2026 года стало известно о возбуждении против него нового уголовного дела – об оправдании терроризма. Поводом стали высказывания Качина в разговорах с другими заключенными удмуртской колонии "Хохряки", в которых он сравнивал спецподразделения ВСУ с бойцами ЧВК "Вагнер", а также высказался на прогулке в ШИЗО о деле "Сети". Подробное содержание этих высказываний следствие не раскрыло, и в чем именно заключаются "призывы и оправдание", неизвестно.

В сентябре 2025 года Валерий Качин после более чем двух месяцев в ШИЗО уже объявлял сухую голодовку. Тогда он похудел до 53 килограммов при росте 182 см и

рассказывал о проблемах с сердцем и почками.

ИК №8 Хохряки, Удмуртия

– Он мне писал этой весной, что безвылазно почти в ШИЗО находится и сколько у него за эти четыре года здоровья отняли. Еще написал, что другие заключенные стараются держаться от него в стороне из-за террористической статьи и отношения к СВО, – рассказывает **Мира** (*ее имя изменено из соображений безопасности*).

Она переписывается с Валерием три года, хотя до его ареста они не были знакомы. Именно ей он рассказал, как голодал, как почти месяц провел в карцере со стеной, полностью покрытой плесенью. В его письмах много и других рассказов про тюремный быт, а также размышлений о долетающих с воли новостях про растущие цены, войну, которая пришла в российские города, и людей, которые, кажется, готовы все это терпеть.

В "нулевые" Мира была учителем в обычной школе, потом перешла в православную гимназию, но уволилась и оттуда, потому что, по ее словам, "Святейший Патриарх в откровенной ереси. А профессора богословия либо молчат, либо оправдывают это бл****во". Мира говорит, что политикой не интересовалась

до путинского "обнуления", с которым пришло понимание, "как далеко и опасно мы зарулили", но "тема тюрьмы как-то все время присутствовала рядом": "в семье были репрессированные, а бабушкина сестра преподавала в тюремной школе".

– При этом я раньше то молодая была и глупая, верила, что живу в лучшей богоспасаемой стране. И даже не заметила, как эту страну у меня сперли, как палатку у человека, пока он звездным небом любовался. Друзья, которые свои убеждения и в церкви, и в педагогике смогли встроить в “линию партии”, меня ужаснули, – говорит Мира.

Писать политзекам она начала во время войны, когда, по ее словам, "из-за всего происходящего не с кем стало откровенно пообщаться". В декабре 2023-го, за неделю до Нового года, написала и разослала через онлайн-сервис поддержки заключенных "Весточка" полсотни коротких поздравлений политзекам. На них пришло десять ответов, один из которых был от Валерия. Так завязалась переписка, которая длится почти три года.

Вечер писем политзаключённым в Тбилиси. Ноябрь 2023 года

– Даже знакомые с антивоенными взглядами, когда узнают про мою переписку с политзеками, сочувствуют, но попросят не беспокоить этой темой. Что тогда про

остальных говорить? Для большинства никаких политзеков вообще не существует. Без них хлопот много. Не хотят люди видеть и читать эти разлинованные бланки. Я и сама раньше такая была.

Чем дольше Мира переписывалась с Валерием, тем, говорит она, доверительнее становятся письма. В них много рассуждений о войне и о сегодняшней России.

– Валерий пишет, что об ужасах российской тюрьмы ни жене, ни матери, ни кому-то из других близких родственников он старается не рассказывать, чтобы им спокойнее жилось, – говорит Мира. – Но мне он пишет, что за время отсидки ужаснулся тому, что работающие в этой системе люди могут делать с теми, кто оказался у них в руках. Но ведь тюрьма [в России] сейчас по обе стороны решетки.

Из письма Валерия Качина:

"Я вижу лишь фрагменты, лики ужасов, происходящих на протяжении всего моего пути следования из Биробиджана... Русские люди творят с русскими такое, что и бумага не стерпит. Я просидел уже в пяти СИЗО+ИВС. Неужели это моя страна и я не сплю? ... Цена человеческой жизни здесь ноль. Ноль! Не пять миллионов, не три, не два и не один миллион рублей".

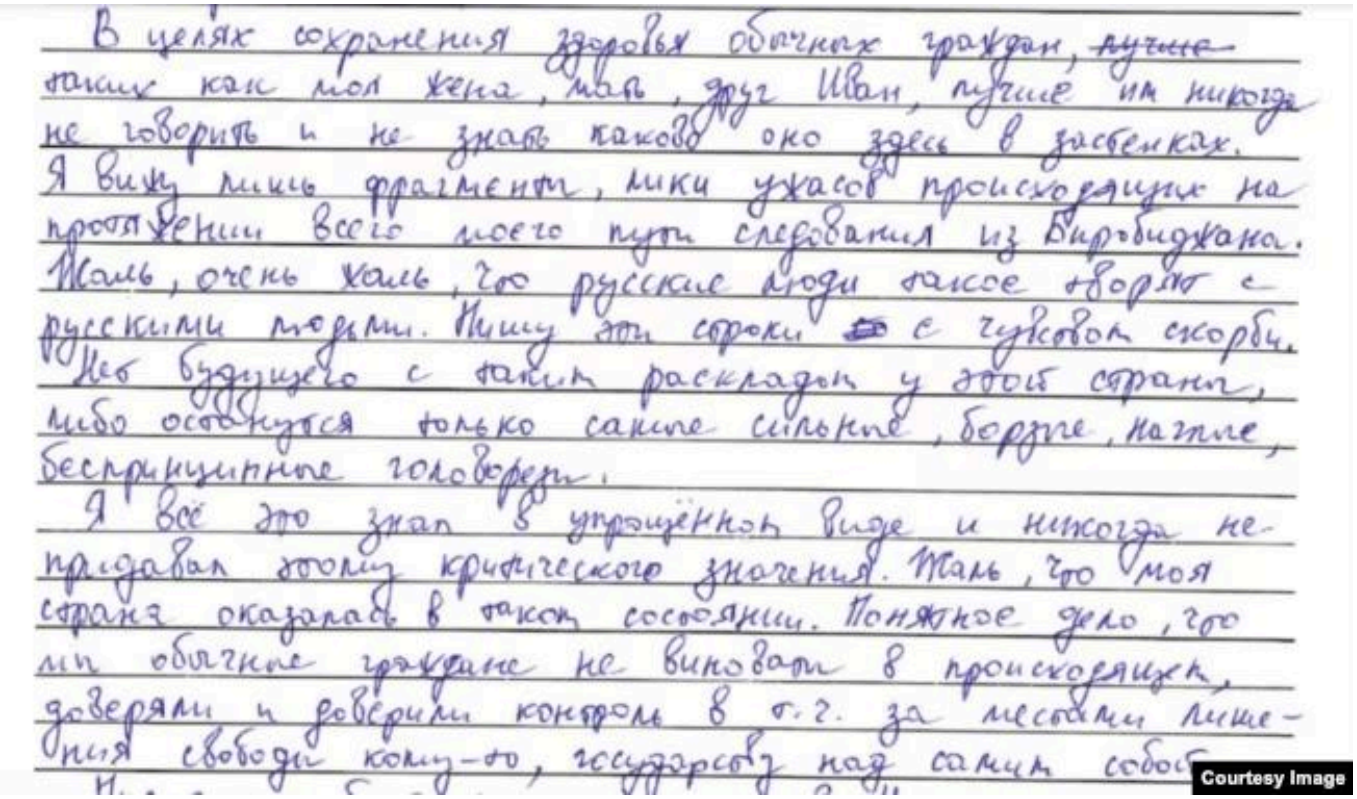
"Надо до конца войны дожить"

В переписке с Мирой Валерий Качин часто упоминает семью. Дома его ждут мать, жена и 11-летняя дочь Маша. Почти все его письма домой начинаются с трогательного приветствия "Здравствуй, Катя! Привет, Машенька".

– С дочкой они по телефону общаются периодически, она сообщает ему об учебе, об успехах своих, – рассказывает родственница Качина (*мы не называем ее имя из соображений безопасности*). – А Валера все время говорит, что "командировка" скоро закончится и он вернется домой. С матерью, кстати, украинкой по происхождению, у них не ладится. Я знаю, что ей звонили волонтеры, когда пытались найти его во время этапа. Она благодарила людей от души за помощь, но сама не хотела писать никаких заявлений и его искать. А как-то мать отправила ему конверты с "Крым наш", и он очень резко на это среагировал. Характер у него тяжелый. Он по жестким правилам живет и хочет того же от остальных. А мать вообще не задумывается, мне кажется, чей там Крым. Да и перепугана жутко от этой истории, наверняка. Я никого не обвиняю. Мне их жалко ужасно. И его, и семью.

В очередном письме Мире Качин рассказывает, что за трое с половиной суток голодовки он похудел на 9 килограммов. Через два дня после окончания голодовки

его перевели из карцера в обычную камеру. Но когда он отдал надзирателям заявление на имя омбудсмена Яны Лантратовой с просьбой включить его в обменные списки, бумагу на его глазах "порвали тихо и молча".

Из Письма Валерия Качина

В письме от 25 октября, отправленном уже после прекращения сухой голодовки, Качин пишет, что в карцере ему больше двух недель не отстегивали от стены и не опускали для сна кровать.

Из письма Валерия Качина:

"Я им три карцера вывел из строя. 12.10 выломал кровать от стены, оторвал цепи, крепления и все это утром 13.10 вынесли на прогон. 14.10 обошелся замками и цепями. Силой ее [кровать] опустил и лег спать. Три раза приходили ночью, светили фонариком в глаза. 17.10 опять выломал с корнем всё, плюс металлическую дверь туалета".

Валерий Качин

Но в письмах из СИЗО Качин рассказывает не только об ужасах тюремного быта и уголовных нравах в российских тюрьмах, но и о том, что встретил там много порядочных людей, самых разных профессий: инженеров, журналистов, преподавателей, врачей, военных, рабочих с заводов. А также о том, как он хочет "дожить до конца войны".

Из письма Валерия Качина:

"Я живой, моя задача – помочь другим товарищам по несчастью. Я помню про соседа-украинца Влада, про земляка Алексея. Про ижевских Никиту и Рената и еще 30 человек, с которыми пересекся волей судьбы. И с ними я со временем спишусь либо через родственников, либо напрямую. Начало уже положено... Война продолжается, Украина сопротивляется. Сегодня по радио рассказали, что в Красном Лимане идёт мясорубка. По набору наемников в ВС РФ узнаем о потерях... Надо до конца войны дожить. Эта мысль держит меня в равновесии и дает сил".

В течение этого года о голодовках протеста в российских СИЗО и колониях сообщалось в отношении нескольких известных фигурантов политически мотивированных дел и резонансных процессов. По сообщению адвоката, в конце октября объявил голодовку политзаключенный, политолог Александр Кынев. После выписки из больницы и перевода в переполненную камеру на 34 места, где из-за сломанной во время задержания ноги он не мог пользоваться туалетом в полу. В результате голодовки и последовавшего за ней резонанса Кынев был переведен в другую камеру. По данным "Медиазоны", весной 2026 года 10 заключённых-мусульман, фигурантов дела "Тюбинского джамаата", объявляли сухую голодовку в СИЗО Таганрога в знак протеста против условий

содержания и преследования по делу о "террористическом сообществе" в калмыцкой колонии. Журналистка Ника Новак, осуждённая по делу о сотрудничестве с иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ) в конце февраля 2026 года, вновь объявила голодовку в колонии в Иркутской области после очередного перевода на три месяца в помещение камерного типа (ПКТ) и изъятия цветных карандашей (до этого она объявляла голодовки в августе, сентябре, октябре и ноябре 2025 года). "На сухую голодовку арестанты идут редко, потому что она довольно быстро может закончиться неблагоприятными последствиями, вплоть до летальных. Нужно веские причины иметь на такой шаг, – отметила в разговоре с Сибирь.Реалии правозащитница Анна Каретникова. – А в целом практика ухудшения условий содержания политзаключенных в российских колониях сегодня стала повсеместной, но на политзеков, которые активно "качают права" и ведут "провокационные" разговоры с сокамерниками, давят еще сильнее".

Регионы | Общество.Сибирь